

101-й
выпуск

Сегодня один из столов в «Неделе» объявлен «школьным», и за него уселись, как некогда за парту, люди, пути которых пересеклись еще в ученические

годы. Итан, справа налево: народный артист СССР Михаил ВОДЯНОЙ, писатели и журналисты Илья ШАТУНОВСКИЙ и Генрих БОРОВИК.

Поздравим Михаила Водяного с присвоением ему высокого звания народного артиста СССР — и начнем урок.

Трое за одной партией

— Боровик, где вы были в прошлый раз?

Г. БОРОВИК: В Лиссабоне, а затем в Мадриде.

М. ВОДЯНОЙ: Его и в следующий раз не будет: в Нью-Йорк отправляется.

— Не подсказывайте, Водяной. И вообще, вы ведь только с Шатуновским вместе сидели за партией?

М. ВОДЯНОЙ: Совершенно верно, до войны, в Ашхабаде.

— То есть как в Ашхабаде? Вы же одессит!

И. ШАТУНОВСКИЙ: Позвольте выступить с разоблачением. В Одессе я встречал человек двадцать, «сидевших за одной партией с Водяным». Но он ашхабадец, и за партией с ним досталось сидеть мне.

— В те годы вы подозревали, что из каждого получится?

М. ВОДЯНОЙ: Сочинения я у Ильи списывал, но был уверен, что его судьба — тяжелая атлетика. Здоровенный он рос, чемпионат Туркменистана по борьбе в конце концов выиграл. Помню, в 4-м классе вызвал я его на поединок — с условием, что его правую руку привяжут к телу поясом...

И. ШАТУНОВСКИЙ: Ему и в голову не приходило, что я левша. Ну и положил его одной левой... Что Миша станет «королем оперетты», я догадывался: он все время рожницы корчил на переменах, учителей передразнивал. Хотя — «Ревизора» в школе ставили, он Добчинским был, а я Городничим! Так что актер как раз из меня мог выйти... И вообще, однажды после его визита у меня пропала марка Новой Зеландии, и до сих пор...

— Все это очень мило, а учились-то вы как?

М. ВОДЯНОЙ: Ничего учились. Шатуновский окончил школу и МГУ с отличием. Не могу сказать этого же о себе.

— Вот и результат... Что с вами было дальше?

И. ШАТУНОВСКИЙ: Аттестат зрелости я получил в 1941-м. Поступил в летную школу, но окончить не пришлось: послали нас в пехоту, прямо в бой под Воронеж. Ранен был, из госпиталя попросился в авиацию (давняя мечта!) и добился: взяли меня стрелком на штурмовик. Служил в корпусе генерала Каманина, в одной части с Георгием Береговым. Летал в экипаже командира эскадрильи Героя Советского Союза Александра Кучумова — сейчас он военный атташе в Румынии.

— Демобилизовались — и в журналисты?

И. ШАТУНОВСКИЙ: В принципе — да, но не так стремительно. Начал писать в «Комсомольце Туркменистана», потом послали учиться в Центральную комсомольскую школу. Кстати, там я сидел за одной партией с Борисом Стрельниковым, нынешним корреспондентом «Правды», который вполне мог бы сегодня быть с нами четвертым.

Г. БОРОВИК: Со Стрельниковым мы учились в одной школе в Пятигорске. И с Водяным я в этом же городе познакомился.

М. ВОДЯНОЙ: Когда Шатуновский и Стрельников встретились в Нью-Йорке с Боровиком, они втроем вспоминали меня...

Г. БОРОВИК: Не только тебя, но и нашу школу № 1.

— Позвольте, Водяной жил в

Ашхабаде, как же он попал на Северный Кавказ?

М. ВОДЯНОЙ: Родители туда переехали, и десятилетку я заканчивал там. Это были военные годы, на Северный Кавказ эвакуировался Ленинградский театральный институт. Я сдал конкурсный экзамен, смотрю — в списке принятых меня нет. Катастрофа! Но тут заметил рядом еще список: трех абитуриентов зачислили сразу на 2-й курс, и меня в их числе. Учась, поступил в Пятигорский театр музыкальной комедии. Вообще-то мечтал не об оперетте, хотел «рвать страсти и кулисы» в драме...

Г. БОРОВИК: В Пятигорском театре работали мои родители. В годы войны мужчин не хватало, театру все время требовались рабочие сцены, хористы, статисты. Мне и предложили поработать на школьных каникулах. Я любил театр, и семья театральная. Помогал монтировать декорации, играл в массовке и на выходах.

М. ВОДЯНОЙ: Он в некоторых спектаклях меня дублировал!

Г. БОРОВИК: Было дело. Водяной считался «королем на выходах». Уж если ему полагалось произнести «лошади поданы», то он знал биографию и родословную каждой из этих лошадей! В «Коломбине» у него был текст: «Убрать ящик!» В это знаменитое «Убрать ящик!» он вкладывал все свои душевные силы, весь талант. Я мечтал произнести эту реплику с его мощью и вдохновением.

М. ВОДЯНОЙ: Однажды Генрих в день спектакля угостил меня мороженым — от души. К вечеру я захрипел, и играть досталось ему.

Г. БОРОВИК: Искусство требовало жертв. Жертвой оказались Водяной и зрители... Если всерьез, то театр в Пятигорске в те времена был отличным. Я знаю одного человека, которого после тяжелейшего ранения — он был танкистом — привезли в пятигорский госпиталь, и оперировал его знаменитый хирург Богораз. После операции Богораз сказал ему: «Будем вас лечить. Но если хотите скорее выздороветь — ходите в оперетту...» В 45-м Водяной уехал во Львов, там создавался новый театр. А я решил оставить навсегда театральную стезю: то ли осознал, что никогда не сказать мне с такой внутренней силой, как Миша, «Убрать ящик!», то ли каникулы подошли к концу. После школы я окончил Институт международных отношений, стал журналистом. Правда, в театр все же вернулся, но уже как драматург.

— А каким образом появился первый фельетон за подписью Шатуновского?

И. ШАТУНОВСКИЙ: Фельетонистом меня сделал первый редактор «Недели» Александр Плющ, тогда ответственный секретарь «Комсомолки» (а я заведовал отделом информации). Александр Львович послал меня послушать одно дело в суде и посоветовал написать по этому материалу фельетон.

— То был первый. А который по счету ваш фельетон напечатан на днях в «Правде»?

И. ШАТУНОВСКИЙ: Точно не скажу, но 400-й с чем-то. Прибавьте около 200 очерков, больше 100 репортажей и 18 книг.

М. ВОДЯНОЙ: Говорят, 144 «героя» его фельетонов были преданы суду.

И. ШАТУНОВСКИЙ: Смотри-ка, точная цифра! Но и «герои» 8 раз подавали на меня в суд, и все 8 раз я был оправдан.

— Скажите (все трое): каких усилий, душевных и физических затрат стоит единица вашей продукции — фельетон, роль и очерк о событиях за рубежом?

И. ШАТУНОВСКИЙ: Многого стоит. Скажем, фельетон «Останавливайте пешеходов!» — о человеке, который ходил пешком по стране под весьма сомнительными лозунгами, создавал себе рекламу и собирал в каждом очередном городе материальную дань. Два года я готовил фельетон, ездил на места, перепроверял факты, изучал документы. Развенчать саморекламщика на страницах газеты, газеты «Правда», — очень сильная мера. Надо быть сто процентно уверенным в своей правоте.

— Что, на ваш взгляд, может и не может фельетонист по сравнению с репортером или, скажем, с очеркистом?

И. ШАТУНОВСКИЙ: Не существует одной этики для врача-окулиста, а другой — для терапевта. Точно так же есть единая журналистская этика. Но методы работы наших журналистов принципиально отличаются от принятых на Западе. Я убежден, к примеру, что журналист имеет моральное право пользоваться магнитофоном лишь в том случае, если его собеседник, будь то герой очерка или «герой» фельетона, знает, что его речь записывается на пленку. И счи-

таю, что не следует фотографировать человека для печати без его согласия. «Герой» фельетона должен понимать, что фельетон о нем появился не потому, что фельетонисту удалось его обхитрить, а потому, что в нашем обществе никому не позволено заниматься грязными делишками, жульничать, жить нечестно.

М. ВОДЯНОЙ: Роль требует массы нервов, физических сил, упорства. И знаний. Готовя роль в спектакле «Дочь фельдмаршала», я два месяца ходил в библиотеку Львовского университета. Кстати, в 1954 году львовский театр переехал в Одессу; так я сделался коренным одесситом.

Г. БОРОВИК: Мне довелось быть во многих горячих точках планеты. В горькие дни Чили, когда хунта захватила власть, — быть на границах соседних стран, одним из первых беседовать с эмигрантами, покидавшими Чили. В Лиссабоне — через несколько дней после свержения диктаторского режима. Бывал в разных переделках, иногда и опасных. И все же, по-моему, самое большое напряжение — когда остаешься один на один с чистой бумагой, когда надо написать о том, что видел. Это — как дуэль... Несладкая у нас профессия. Например, нужно расспросить вдову чилийского поэта Виктора Хары Джован Тернер, как и где она нашла тело мужа, зверски убитого хунтой. Знаешь, что твои вопросы причиняют нестерпимую боль, но обязан спросить, это твой долг... Журналист не должен смотреть со стороны. Он обязан быть бойцом, хотя его оружие — перо и фотоаппарат.

— Расскажите, как вы нашли друг друга после разлуки?

И. ШАТУНОВСКИЙ: Я смотрел фильм «Белая акация». Неужели это мой школьный друг Миша на экране? Написал ему письмо: «Ты это или не ты?» Мы не виделись 22 года. В его очередной приезд в Москву встретились.

М. ВОДЯНОЙ: А с Генрихом — на спектакле в одном московском театре. Сиджу в партере, вдруг сзади шепот: «Хочешь еще мороженого?» И это — через 11 лет после ангины!..

— Еще вопрос: что собираетесь делать дальше?

И. ШАТУНОВСКИЙ: Сыграть Мишку-Япончика (смотрит на Водяного), съездить в Рио-де-Жанейро (смотрит на Боровика)... Но пока это не получается, буду писать фельетоны.

Г. БОРОВИК: Хотелось бы когда-нибудь увидеть в газете под рубрикой «По следам наших выступлений» такое, например, сообщение: «В связи с памфлетом о Пиночете этот генерал арестован и предан суду». К сожалению, в международной журналистике такое бывает реже, чем у Шатуновского.

М. ВОДЯНОЙ: Сыграть в новой пьесе Боровика и не попасть по этому случаю в фельетон Шатуновского... Если серьезно, то впереди у меня две роли в новых мюзиклах.

— Что же, «Неделя» ставит всем трем «отлично». А вот и звонок. Новых вам успехов!

Урок провел П. МИХАЙЛОВ.
Сфотографировал
соучеников Г. Дубинский.